ИННА ТРОНИНА
АЛАЯ НОЧЬ
ИЗДАТЕЛЬСКИЙ СОЮЗ "АНАНЬЕВ"

Инна Тронина

Алая ночь

«Мультимедийное издательство Стрельбицкого»

Тронина И.

Алая ночь / И. Тронина — «Мультимедийное издательство Стрельбицкого»,

Известный московский адвокат Энвер Хенталов родился в ссылке, рано лишился родителей, вырос в детском доме. Он «сделал себя сам» и вполне заслуженно считал, что «жизнь удалась».Но внезапно благополучие кончилось. Хенталова стали преследовать трагедии. Во время поездки в Алжир погибли его жена и зять. Внезапно ему сообщили, что от неизвестной и странной болезни в больнице скончалась дочка Сабина. На руках адвоката осталась годовалая внучка Ирена.Не полагаясь на правоохранительные органы, Энвер Хенталов сам взялся за расследование причин трагедии. В ходе своего первого самостоятельного поиска он столкнулся с крупной мафиозной группировкой, занимающейся подпольной торговлей радиоактивными материалами…

© Тронина И.
© Мультимедийное издательство Стрельбицкого

Содержание

Часть первая 5
Глава 1 5
Конец ознакомительного фрагмента. 30

Инна Тронина
АЛАЯ НОЧЬ

Часть первая

Глава 1

В кабинете их было трое – сам хозяин и два его гостя. Вернее, это были посетители, будущие клиенты. Но адвокат Хенталов почти сразу понял, что с этими людьми он вряд ли станет работать. Молодые люди вели себя как вульгарные бандиты, и это совсем не понравилось хозяину квартиры.

Стриженые «бобриком» юноши в малиновых пиджаках, похожие, как однояйцевые близнецы, тоже не ощущали себя уверенно в дорогих кожаных креслах, среди застеклённых книжных шкафов. Бескрайние полки сверкали золотистыми и медными узорами на корешках книг. Рассеянный, мягкий свет придавал кабинету дополнительный шарм, делал его безупречно элегантным.

Позади кресел, где сидели посетители, находился огромный аквариум с диковинными рыбками. С той стороны на юношей тоже лился изумрудный свет. Создавалось впечатление, что переливаются и сами водоросли, и панцири улиток, и камешки на дне. Каждая мелочь сияли сквозь толщу воды так, будто лежала на витрине или в музее.

Четвёртую стену украшали секции с многочисленными фигурками, вещицами, вазами, серебряными и фарфоровыми безделушками. И драгоценную эту коллекцию отгораживало от кабинета толстое стекло.

Парням вдруг захотелось встать и лучше рассмотреть вещицы. Так бывало в детстве, когда родители насильно таскали их в музеи. Сам хозяин сидел за массивным столом, в одну из тумб которого по его просьбе вмонтировали индивидуальный сейф. Компьютер с принтер стояли рядом, на приставных консолях.

– Я выслушал вас внимательно…

Хенталов как раз закончил чтение тех писем из электронной почты, которые вызвали у него интерес. Заодно, от руки, он написал небольшое послание, скрепил его личным штампом и запечатал в конверт. Энвер никогда не терял времени даром. И сейчас не мог позволить себе просто сидеть и внимать невнятным, путаным угрозам молодняка.

Владея навыками скорочтения, адвокат справлялся с почтой и прессой моментально. А потом, без помощи секретаря, отвечал на интересующие его послания. Чаще всего он посылал ответы по «емеле» или распечатывал письма на принтере. Но друзьям и близким Энвер писал только «вживую».

– Теперь постарайтесь и вы оценить ситуацию.

– Да мы уж поймём – не тупые!

Кареглазый молодой человек был здесь явно старшим. У другого, как заметил адвокат, глаза были жёлтыми, волчьими. Перестав изучать шкафы, витрину и аквариум, они переключились на адвоката, словно только что увидев его. Хенталов снял очки в серебряной оправе, с тонированными стёклами. Потом убрал в сейф бумаги, вытащил портсигар.

Глянцево-чёрные, густые его волосы были уложены в модную стрижку. Смуглая кожа, глаза цвета горького кофе выдавали в нём южанина. В меру широкие скулы и морщинистый лоб не портили Хенталова, а придавали ему индивидуальность. Невысокий его рост женщины даже не замечали и ужасно завидовали ныне покойной жене адвоката.

Впрочем, не только внешними данными был знаменит доктор юридических наук, профессор Энвер Хасанович Хенталов. Раньше он читал уголовное право в элитарном ВУЗе. Потом занялся адвокатской практикой. На следствии и суде он защищал клиентов, имевших несчастья впутаться в уголовные дела повышенной сложности. За короткое время работы в этом качестве Хенталов сделался модным адвокатом. Цены на его услуги неуклонно ползли вверх.

Но клиенты не скупились. Жадность предыдущих обвиняемых обошлась им в сто крат дороже. Практически в той же прогрессии увеличивалось и число противников. Энвер старался не мараться об откровенных бандитов отнюдь не по причине особо высокой нравственности. Он имел здоровую тягу к комфортной жизни, к деньгам и к славе. Чуждался философии честной бедности. Считал зажиточность признаком ума, воли и энергии.

Просто в глазах респектабельной публики Хенталов желал оставаться независимым и здравомыслящим. В противном же случае он рисковал утратить нынешний имидж и превратиться в официанта от права с его вечным: «Чего изволите?» Или в лабуха*, играющего для того, кто платит. Или в проститутку с профессорским званием, для которой клиент всегда прав, но обмануть его совсем не грех.

От рождения брезгливый и разборчивый, Хенталов и сейчас не смог сломать свою натуру, сколько бы ему ни заплатили. Он считал, что уже имеет право придирчиво подбирать клиентуру и при этом увеличивать свой банковский счёт. Он тщательно, по кирпичикам строил свою репутацию практически непобедимого защитника. Всякий, кому посчастливилось заполучить Хенталова, должен был считать своё дело выигранным.

Но всё же популярный адвокат не сжигал за собой мосты. Время от времени он входил в положение представителей преступного мира. Давал им за щедрую мзду консультации, часто помогающие во время следствия и суда. Правда, делалось это лишь при условии неразглашения его имени.

Если же случалось, плюнув на всё, выставлять посетителя за дверь, Энвер не боялся за себя. Правда, немного тревожился из-за семьи – пока все были живы. Ныне же остались только годовалая внучка Ирена – предмет нежной, горячей любви Хенталов. И дочка Сабина, которой недавно исполнилось двадцать два. Отношение к ней теперь стало иным, нежели раньше.

Энвер Хасанович встречал дочку с мужем тепло и сдержанно. Всем своим видом показывал, что молодые в опеке не нуждаются. Раз создали семью, должны решать свои проблемы сами, полагаясь лишь на моральную его поддержку. Да и то – для этого они должны быть стопроцентно правы.

Ныне же Сабина овдовела – одновременно с отцом. И между ними сложились совершенно новые отношения – печальные, светлые, церемонные. Они были похожи на тихий осенний вечер за окном. Днём солнце ярко светит, но греет всё слабее. Под вечер стынь спускается как будто из космоса. А утром на крышах домов. На траве и дорожных рытвинах лежит ослепительно сверкающий иней.

Так Энвер с Сабиной и воспринимали своё существование – блестящее, богатое. Внешне безоблачное, а на самом деле тоскливое. Во время встреч отец с дочерью старались не упоминать о Зиде Хенталовой и Рудольфе Шамогайлове. Те погибли десять месяцев назад, в Алжире, от рук исламских фундаменталистов. Несмотря на то, что оба были мусульманами, для фанатиков из Алжира они оставались иностранцами, русскими, потенциальной мишенью.

Зять был специалистом по оборудованию для нефтепереработки. Он отправился в очень важную командировку на берега Средиземного моря. И в качестве жены его сопровождала тёща. Сабина не могла оставить свою малютку и надолго уехать в Алжир. А Зида в свои сорок три года выглядела немногим старше дочери. И могла заменить её везде, кроме постели.

После недолгих уговоров она отправилась вместе с Рудольфом, чтобы по-женски, по-семейному поддержать его в незнакомой стране. Как оказалась, поехала на свою погибель.

Вряд ли Рудольф Шамогайлов и его тёща были осознанной мишенью террористов. Просто Зида подружилась с французской парой, и они почти всегда были вместе. Посещали пляжи, ресторанчики, бары, магазины – а это было уже чревато. Неизвестно, подозревали ли об охоте на французов Зида с Рудольфом. Но, в итоге, на родину пришли два цинковых гроба. В тот же день «груз-200» был предан земле на Головинском кладбище столицы.

Сабина ни дня в жизни не работала. До декрета была студенткой четвёртого курса факультета журналистики МГУ. И сейчас, ухаживая за дочуркой, существовала вместе с ней на немалые доходы отца и средства, оставшиеся от мужа. Кроме того, ей полагалась солидная пенсия – ведь Рудольф погиб при исполнении служебных обязанностей.

Жили они с отцом порознь. Хенталов – в Медведково, на Ясном проезде. Его роскошная трёхкомнатная квартира помещалась на одиннадцатом этаже. Сабина с Ireной занимали двухкомнатную. Энвер Хенталов и Рубен Шамогайлов подарили её молодым вскладчину. Высотный бело-голубой, типично московский дом располагался среди буйной зелени, в самом конце Варшавского шоссе.

Адвокату казалось, что они с дочерью живут теперь в разных городах. Слишком велика Москва – даже климат в её районах разный, и растительность тоже. Там, где жил Энвер, кроны у тополей были по-северному раскидистыми. А из окон Сабины виднелись пирамидальные тополя – как на юге. И пахло полынными степями, будто на далёкой родине Хенталова.

Нет, Энвер Хасанович всерьёз пока не опасался за свою семью. Да и беда пришла с неожиданной стороны. Сабина четыре дня назад внезапно попала в больницу. Она всё время находилась в реанимации. Когда отец справился о дочери в последний раз, там не стали скрывать – состояние крайне тяжёлое. Налицо симптомы почечной недостаточности. Женщина из справочного сообщила, что Шамогайлова на гемодиализе*, но в себя пока не пришла.

Беспокоиться, как видно, бесполезно. И прятаться – тоже. Судьба под руку со Смертью пройдёт через какую угодно толстую стену, преодолеет любые запоры и настигнет жертву. Что толку охранять человека снаружи, если всегда можно ударить изнутри? И с большим, кстати, успехом.

Но весь вопрос в том, что Сабина никогда не страдала болезнью почек. Могли сказаться, конечно, беременность и роды. Но пошёл уже почти год, и до сих пор не было никаких признаков. Анализы всегда в порядке, давление – тоже. Правда, сам Энвер этих результатов не видел. Может быть, дочка что-то скрывала? Зачем, интересно? Не хотела расстраивать?

Как бы там ни было, но ребёнка пришлось забрать сюда, на Ясный проезд. Сейчас, перед приходом вестовых из бандитской группировки, контролирующей часть московских казино, Энвер в коляске увёз внучку к соседке. С пенсионеркой по имени Надежда Сергеевна он договорился об оказании услуг по уходу за девочкой. Разумеется, пообещал щедро всё оплатить.

У няни была шестилетняя внучка Кира, которая такому повороту событий несказанно обрадовалась. Она наконец-то отстала от занятой по горло бабушки со своими капризами и занялась Ireной. Таким образом, все остались довольны. Конечно, это не дело – обращаться к соседям. Нужно было прибегнуть к помощи родственников, но у Хенталова их не осталось.

То есть, конечно же, они существовали, но где-то далеко. Энвер ничего о них не знал. Родился он в Казахстане – в Акмоле. Рано осиротел и попал в детский дом. Родителей своих мальчик помнил смутно. Когда они насмерть угорели во сне, ему было три года и четыре месяца.

Да, у Энвера не было родных. Но у Зиды они были, и у Рудольфа – тоже. Правда, оставались за границей – в Баку и в Гяндже, что очень осложняло их вызов в Москву. Хенталов прекрасно понимал, что власти будут цепляться к каждой запятой в документах, и попусту измотают людям нервы. Конечно, деньги всё решат, но адвокат почему-то не хотел за это платить. Да ещё наслушаешься всякого. Например, что азербайджанская мафия хочет вселить земляков

в московские квартиры и тихой сапой оккупировать российскую столицу. А потому препоны, проволочки и вымогательства неизбежны.

Что ж, и это преодолеем. Вся наша жизнь – борьба. Ребёнка только жаль. Мыкается в чужой квартире. Вместо тёток и сестёр, а также бабушки по отцу с ней возятся посторонние люди. Пока пухленькая, черноглазая, похожая на куклу девочка им нравится. А ну как надоест? Конечно, раз платят деньги, её не бросят. Но и только.

Надо будет закончить беседу с этими двумя придурками, принять душ и лечь. А завтра утром, с новыми силами, взяться за дела, касающиеся вызова в Москву родственников внучки. Хотя бы одной женщины – на первое время. Кому именно ехать, пусть решают сами.

– Давайте начистоту…

Энвер уже долго курил длинную чёрную сигарету – очень тонкую и необычную, с дурманящим запахом. Парни сильно ею интересовались, но ничего не спрашивали.

– Я адвокат, а не киллер. Моя миссия – защита, а не уничтожение. Вы ошиблись адресом. Ищите ликвидатора в другом месте. Найдёте – дерьма вокруг много.

– Да какой ликвидатор, Энвер Хасанович? Просто наш босс очень не хочет, чтобы вы защищали Белугина.

Кареглазый посланец белугинского конкурента по игорному бизнесу дивился непонятливости всегда находчивого адвоката.

– Если выйдете на процесс, он будет оправдан, так? Вас в судебном состязании победить очень трудно. Это наш босс сказал…

– Итак, вы признаёте, что Белугин невиновен! – подхватил Хенталов. – Его дело сфабриковано. Стоит поднажать, и оно рухнет.

Хенталов расстегнул пиджак, открыв мелкие золотистые пуговки жилета, очень шедшие к его костюму песочного цвета.

– Мы же с вами взрослые люди, – усмехнулся молодой человек с волчьими глазами. – Откровенности хотите? Ладно, будем откровенными. Какая кровь, начальник? Вам просто нужно оказаться от ведения этого дела, и всё. Если вопрос в «бабках», всё компенсируем. Нужно только, чтобы вас на следствии и на суде не было. Слишком дорого боссу обошлась изоляция Белугина, и доходы должны окупиться. А в остальном мы на всё согласны. Называйте ваши условия.

Посланцы, явно бывшие спортсмены, набычились – будто перед ответственным и трудным поединком. Они ждали ответа. Интересно, на что они надеялись? Вероятно, на джентльменский договор. Какая идиллия! За окном темно, в вышине мерцают звёзды. Внизу завывает увязшая в грязи машина. «Затихает Москва. Стали синими дали. Ярче блещут кремлёвских рубинов лучи…» А дальше-то как? Вот, уже и забыл. А ведь знал наизусть.

– Если вы, ребята, считаете, что я дурак, то ошибаетесь.

Хенталов задумчиво погасил испанскую сигарету. Он всегда курил только такие. Других не употреблял даже на перехват. Поэтому даже при нынешнем обилии товаров вкусы адвоката было не так-то просто удовлетворить. И в компаньоны к нему во время перекура уже никто не набивался.

– Что вам нужно, я понял ещё до вашего визита. И принял меры безопасности.

– Ну… – неопределённо сказал кареглазый.

Это «ну» означало не то удивление, не то недоверие. А, может, просто вырвалось, что заполнить возникшую паузу.

– Вы сказали, что выигранное дело будет стоить мне жизни, – продолжал Хенталов, постукивая портсигаром по краю хрустальной пепельницы. – Что ж, у меня нет оснований вам не верить.

– Ещё про внучку и про дочку забыли, Энвер Хасанович. – услужливо напомнил кареглазый.

Надо же! У них и галстуки одинаковые. Оба – с аляповатым, кричащим рисунком. Такие только на арене цирка носить, а в приличном обществе.

– Да нет, я просто не успел до них дойти, – мягко возразил Энвер Хасанович. – Извольте, я потороплюсь. Понимаю вас, даже сочувствую. Ваш босс затратил много средств, чтобы сфабриковать дело против Белугина. Он оплатил работу следователя, других специалистов, включая судмедэкспертов. Потом нужно ещё отстегнуть прокурору, составу суда. Потом Белугин поедет в края холодные, и там его нечаянно зарежут. А ваш босс захватит его игорную территорию. Прибыль превысит все затраты. Так?

– Так.

«Волк» почуял «яму», а потому насторожился. Его напарник пока выглядел спокойным.

– Вы сами-то знаете, что Белугин оперативника не убивал? У него выкрали пистолет, а потом застрелили работника милиции. Всё это произошло у забора, огораживающего земельный участок и коттедж Белугина…

– Знаем или нет – какая разница? У вас выхода нет, Энвер Хасанович!

«Волк» нервно дёрнул губами. Похоже, ему не очень-то легко давался этот разговор.

– А у вас есть выход? – поднял брови Хенталов. – Ошибаетесь.

– Почему? – вальяжно удивился кареглазый.

Воротники батистовых сорочек едва не лопались на мощных шеях ребят. Таких испугаться немудрено. Но Хенталов их не боялся.

– Я знаю степень влияния и значения Белугина. Пойти против него может только безумец. Или человек, имеющий примерно равные с ним возможности. На безумца ваш босс не тянет. Значит, работает второй вариант. Такой человек добивается своего любой ценой. И, следовательно, он в состоянии ликвидировать меня. Но только теоретически.

– Почему? – повторил свой вопрос кареглазый.

Его толстые, обветренные пальцы уже мяли галстук. И Хенталов понял, что пришла пора нанести решающий удар. Блефом в своей работе он пользовался нечасто, но в некоторых случаях приходилось. Сейчас адвокат не видел иного выхода. Ему очень хотелось под душ – особенно после этой беседы. Потом надо сходить к соседке, забрать у неё внучку, узнать в больнице про Сабину. В таких случаях все средства хороши – лишь бы избавиться от надоевшего общества.

– Поймите, что мои услуги в любой момент могут потребоваться хоть вашему боссу, хоть другому «авторитету». А, может, и высокопоставленному представителю власти или силовых структур. И тогда моё нежелание сажать клиента в угоду его врагам из недостатка станет достоинством. Нельзя, ворочая такими деньгами, жить лишь сегодняшним днём. Но это – из области будущего. В данный момент моя клиентура достаточно обширная. И вы знаете, что пустяками я не занимаюсь. В моём существовании, в моём здоровье кровно заинтересованы люди, которые тоже не любят, когда им мешают жить. Если меня сейчас прикончат, им это не понравится. Пока понятно?

– Да понятно!

«Волку» уже надоело ходить вокруг да около. Он понимал, что адвокат их не боится, потому что имеет надёжную «крышу». Но очень не хочется приносить дурную весть боссу. Глотку свинцом он, конечно, не зальёт, но выгнать вполне может. И это ещё в лучшем случае, потому обиженные и посвящённые люди должны гарантированно молчать…

– Тогда пойдём дальше…

Хенталов не стал бороться с собой и зажёг ещё одну чёрную сигарету. Больше никак его волнение не проявлялось.

– Подумаем вместе. Я тщательно пережёвываю доводы для того, чтобы вы как можно точнее передали их боссу. Так вот, моим нынешним клиентам стало любопытно – кто смеет мне угрожать и ставить под удар их интересы? И договорились об одном маленьком эксперименте. Приоткрою тайну – ради вашего блага, ребята. Сейчас наша беседа транслируется на приёмники по крайней мере восьми заинтересованных лиц. Я не говорю, что эти лица меня очень любят. Но они любят себя, а я им полезен. Те же господа позаботились о том, чтобы в курсе оказалась милиция. Поэтому, если у вашего босса после этого начнутся неприятности, меня не вините. Я предупредил. Вопросы есть?

– «Жучки» стоят?

Кареглазый растерянно оглядел кабинет. Потом взглянул на Хенталова. Адвокат проверял, полностью ли обесточен компьютер.

– У меня здесь места много! – Хенталов обвёл рукой кабинет. Голос его стал сладким, и даже принял другой тембр. – Я понимаю, что вы – люди подневольные. И зла вам не желаю. А ведь вы можете пострадать, если окажетесь рядом с боссом в тяжкую минуту…

– Менты босса пасут? – не выдержал «волк».

– А вы думали, что он в шапке-невидимке ходит? Конечно, взяли на заметку. А тут, понимаете ли, прямая угроза убийством лицу, находящемуся при исполнении служебных обязанностей. И его родственникам, кстати. Так что передайте всё боссу слово в слово. И пусть он без горячки подумает. Допускаю, что Белугин – отвратный тип. Но судить-то его будут не за личные качества, не за распри с вашим боссом. Его будут судить за убийство сотрудника уголовного розыска, которого Белугин не совершал. И даже не заказывал, потому что свои пистолеты киллерам для работы не дают. Пусть Белугин ответит за то, что действительно натворил. Если бы я допускал, что он виноват, никогда не взялся бы за его защиту. Зачем мне позориться при всём честном народе?

Хенталов говорил с «быками», как с детьми и коррекционной школы – терпеливо и мягко. Парни же теперь так боялись «жучков», что предпочитали не издавать ни звука.

– Ваш босс считает, что меня очень трудно победить в судебном состязании. Верно, потому что я никогда не беру безнадёжные дела. Всегда думаю об их судебной перспективе. Гонорар при этом никакого значения не имеет. Если я стопроцентно не убеждён в невиновности человека, защищать его не возьмусь. В данном случае, Белугин мыкается понапрасну. Именно по этому делу я обещаю добиться для него оправдательного приговора. Но не думайте, что Белугина никогда не посадят. Он наработал достаточно, чтобы упечь его с чистой совестью. Зачем было фабриковать дело, когда можно грамотно раздуть почти каждый его промах? А если неохота больше возиться, то вы знаете, что надо делать. Ваш босс – тем более. Мне ли его учить? Если только я пойму, что Белугин при делах, я откажу ему в два счёта. И ваши угрозы не потребуются…

Хенталов поднялся из-за стола, давая понять, что разговор окончен. Встали и его гости, скрипнув кожаными креслами.

– Если ваш босс не успокоится, придётся мне подключить некоторых клиентов. Они объяснят, что нуждаются в толковом защитнике. А теперь, ребята, разрешите вас проводить. Ваши проблемы пусть останутся с вами, а мои – со мной. Кстати, у Белугина приёмник сейчас тоже работает…

Закрыв за «быками» металлическую дверь только на один запор, Хенталов скинул с плеч ношу, которая тяготила его весь вечер. Ладонями маленьких рук он вытер лицо, которое к концу дня стало похоже на печёное яблоко. Вместе с облегчением пришла уверенность в том, что посланцы белугинского конкурента больше не вернутся. Поверили они или нет, вопрос спорный. Но доска им протянута, и теперь можно без потери лица выбраться из сложной ситуации.

Никакому, даже очень влиятельному лицу, не хочется приобретать одновременно восемь врагов своего уровня. А расправиться с Белугиным… Чем скорее его оправдают и освободят из-под стражи, тем меньше ему останется жить. Всё очень просто. Странным путём пошёл их босс. Должно быть, действительно стареет. Или так страшится Белугина, что захотел свалить его гибель на органы? Вероятнее всего, второе.

Думал, что ни за что отвечать не придётся. И – на тебе, сюрприз! Оказывается, тайные переговоры с защитником слушает сын подсудимого, и ещё чёрт знает кто. Потом будет этот босс от каждой тени шарахаться. Лучше выбрать другой способ ликвидации, никак не связанный с судебным процессом, и оставить адвоката в покое. Если они не окончательно слетели с резьбы, то придут именно к такому решению.

Энвер хотел сразу же перейти в квартиру соседки. Но задержался пока в кабинете, выключил настольную лампу. Теперь помещение освещал лишь аквариум, да мерцали коллекционные вещицы на полках. Приходилось всегда поддерживать кабинет в парадном виде. И особенно теперь – когда из-за Ирены пришлось перенести приём посетителей на дом.

Внезапно захотелось выпить немного вина – чтобы перестал ныть лоб. Недавно ушедшие посетители были вооружены – Хенталов определил это сразу, как столько увидел их. А, значит, встреча могла закончиться не так благолепно. Этим двум спортсменам ничего не стоило «загасить» адвоката прямо в его роскошном кабинете. Хенталову оставалось лишь понадеяться на своё знание «понятий»* и человеческой природы.

Своего оружия он принципиально не имел. Да и вряд ли сумел бы сегодня его вытащить. Ребята эти в любом случае использовали бы свои преимущества – численный перевес и молодость. Но Энвер очень быстро понял, что «быки» ничего ему не сделают. Всевышний не наделил его ни особой физической силой, ни внушительной комплекцией. Но зато не обидел интеллектом и волей.

Сейчас Хенталов решил побыть наедине с собой. Он не мог сразу же перейти от разговора с бандитами к общению с внучкой. Требовался некий мостик – то есть несколько минут одиночества. Не имея никакой чёткой цели, он прошёл в гостиную, сел в уголок белоснежного дивана. О том, чтобы включить «видеодвойку», не хотелось даже думать.

Надо позвонить в больницу – узнать, как там Сабина. Или лучше завтра? Впрочем, когда речь идёт о родной дочери, понятий «рано» или «поздно» не существует. Впрочем, Надежда Сергеевна не обязана вечно держать у себя его внучку. Дед тоже должен с ней заниматься. Но сегодня как-то не нашлось времени. Ведь ребята, представляющие одного из заправил игорного бизнеса, на сегодня были последние, то есть седьмые.

А перед этим пришлось ехать в Капотню, в следственный изолятор. Потом – к другому клиенту. Тот находился под подпиской о невыезде, но к адвокату явиться не мог. На нервной почве он совсем перестал ходить. Впрочем, Хенталов готов был поспорить на ящик хорошего коньяка – получив оправдательный приговор, клиент тут же встанет на ноги.

Энвер сбросил пиджак, остался в жилетке. Он подошёл к вместительному бару, открыл его двумя крохотными ключиками и долго смотрел на батареи бутылок. Никак не мог решить, что выбрать – слишком богат был ассортимент. Из каждого путешествия за границу адвокат привозил дорогой алкоголь. Сейчас он подумал, что ещё немного – и дверца бара не закроется.

Впрочем, напитки часто позволяли прийти к соглашению с оппонентом, избежать конфликта. И, в конечном итоге, выиграть дело. Часто случалось так, что судьбу процесса и самого адвоката решал умело приготовленный и вовремя поданный коктейль. Для получения подлинного наслаждения Энвер постепенно собрал ещё одну коллекцию – посуду для употребления этих напитков.

Бывало, что какой-нибудь разухабистый нувориш принимался вить виски из бокала для шампанского, а коньяк – из посуды для «Мартини». Тогда адвокат вежливо, но твёрдо указывал

ему на эти просчёты. Кстати, «новые русские» никогда не злились, а только благодарили за науку. Авторитет адвоката и тут работал на него.

Наконец, Энвер выбрал низкий пузатый бокал «Брэнди Бэллон», наполнил его янтарным душистым коньяком. Сжал, как полагается, в руке, чтобы букет стал благоухать сильнее. Ещё раз полюбовался содержимым бара и запер его. Прозвучала тихая короткая мелодия. Потом в квартире воцарилось безмолвие. Адвокат встал с дивана и прошёл на кухню. Из-за гарнитура «Нью-Форм», словно вырубленного изо льда, она казалась очень чистой, чужой и холодной.

Зида погибла ещё до того, как гарнитур был установлен. Весь белый, он включал даже два бюста. Только свечи к нему полагались витые, оранжевые. Они так и стояли в шандалах нетронутые. Адвокат предпочитал готовить и трапезничать при электрическом свете. Кроме того, он всё равно почти не чувствовал вкуса пищи. И сейчас, выпив коньяк, он не позаботился о закуске. Плеснув из баллончика в рот импортный ароматизатор, чтобы не смущать соседку, он решил немного освежиться.

В ванной до сих пор стояла косметика Зиды с содержанием солей Мёртвого моря. Жена уверяла, что выглядит так молодо только благодаря экзотическим снадобьям. Зида, для чего тебе всё это было нужно? Впрочем, умереть прекрасной – это тоже счастье. Может, попробовать воспользоваться всем эти богатством самому? Наверное, собственная физиономия станет привлекательнее – перед предстоящими выступлениями в судах.

А их ожидалось два. И оба – в авантюрном духе Энвера. Растолстевший «челнок» со стажем как-то прибыл для встречи с вьетнамскими коллегами в бывшее общежитие Московского института железнодорожного транспорта. Ныне это была фирма «Бентхань». Заключив сделку сначала с одним, а потом с другим обитателем ханой-тауна. «челнок» отправился отмечать это дело в кафе при бывшей общаге.

Сначала всё шло нормально. Торговцы много пили и закусывали запечённым мясом. А потом, на выходе, «челнока» забрала милиция. В его карманах нашли наркотики, которых сроду там не водилось. Налицо та же история, что и с Белугиным. Подбросили наркоту, чтобы посадить нежелательного соперника. Хенталов убедился, что «челнок» в данном случае невиновен, и согласился его защищать. Правда, в этом случае жизни адвоката пока никто не угрожал.

Третий клиент оказался жертвой той же надоевшей комбинации. Он содержал сеть коммерческих киосков, кому-то сильно не угодил. И однажды утром в его квартиру ворвались люди с масками на лицах и нашивками на рукавах камуфляжных курток. Они учинили обыск без санкции прокурора. Причём рыться сразу стали в стенном шкафу, за унитазом, не тратя время на тщательное обследование всех помещений.

Нашли автомат Калашникова, три гранаты Ф-1, две РГД-5, шесть запалов, три электродетонатора. Патроны к автомату и пистолету ТТ. Теперь предприниматель парился на нарах. «Челнок» же, выпущенный из СИЗО по состоянию здоровья, уже приобрёл инвалидную коляску. Энвер же считал, что сумеет этих бедолаг вытащить.

Забренчали часы в гостиной. Сразу же пронзительным сигналом откликнулись наручные. Хенталов поспешно вернулся в гостиную, подхватил свой пиджак, надел его в рукава. Потом открыл замок, проверил ключи во внутреннем кармане. И. выйдя на площадку, толкнул дверь назад. С еле слышным воем она встала на место, и замки закрылись.

До завтрашнего дня нужно забыть о клиентах и бандитах, о прочих служебных делах. Выбросить их из головы начисто, и заниматься только Иреной. Внучка, выспавшись за день у соседки, не даст покоя ещё долго. Ничего, деду это только в радость. Милая мордашка Ирены позволит забыть все горести. В больницу он позвонит завтра, тем более что утром уже справлялся о здоровье Сабины.

И всё-таки – что с ней? До сих пор она была здоровой, очень красивой молодой женщиной. Впрочем, врачи часто ошибаются. Сабина завтра придёт в себя. Конечно же, сразу спросит

об Ирене. Не вина Сабины, что она лишилась разом мужа и матери. Конечно, они избавили бы сейчас Хенталова от забот о ребёнке. Но теперь ему надеяться не на кого. Надо забрать Ирену от соседки и обязательно извиниться.

Кроме того, следует съездить на Каширку и забрать внучкино барахлишко. В машине можно привести и одежду, и ванночку, и кроватку в сложенном виде. А то соседке приходится купать Ирену в ванночке, оставшейся от Киры. А ведь в ней уже стирали бельё, и не только детское. Потом Надежда Сергеевна приспособила для этой цели большой полиэтиленовый таз, купленный в универмаге.

Когда Энвер спешно собирал внучкины вещи после госпитализации Сабины, прихватил только самое необходимое. Из игрушек – большую пушистую панду со светящими глазами, и зайца. Игрушки двигались и звучали. Они служили предметом восторга не только для Ирены, но и для Киры.

Соседка сказала, чтобы Хенталов принёс специальное колечко. У Ирены режутся зубы, и она уже сжевала атласную ленточку Киры. Адвокат не имел понятия, где лежит это колечко, и было ли оно вообще. Надо завтра заехать в аптеку и купить. Или, лучше всего, дать деньги соседке – она лучше в этом понимает. И ленту пусть возьмёт новую – чтобы не оставалось вопросов.

Энвер подумал, что весь гардероб внучки перевозить не надо. Когда Сабина выпишется, придётся всё тащить обратно. И вообще, нужно когда-нибудь погулять с внучкой. Если дальше так пойдёт, ребёнок перестанет узнавать деда. Нет, довольно, нужно позвонить в Баку, матери Рудольфа. Пусть хоть на месяц, да приедет. Родственников пугает режим регистрации для гостей из ближнего зарубежья.

Ничего, решим проблему. Чего не сделаешь ради ребёнка? Другое дело, что придётся рассказывать о внезапной болезни Сабины. А в чём там дело, он и сам не знает. Бакинцы, конечно, с ума сойдут. Они ещё не оправились от горя после гибели Зиды и Рудольфа. Не хочется снова расстраивать их, но придётся. Ведь страдает младенец, внезапно оставшийся без матери.

Хенталов позвонил, и дверь тут же открылась. Кира ходила на цыпочках, приложив палец к губам. Её толстые щёки раздувались, а тугие косички болтались за спиной.

– Ирена спит. Я её уложила! – гордо сообщила девочка. – Так трудно было укладывать! Она встаёт и встаёт в коляске. Один раз чуть не перевернулась. Я её под мышки схватила…

– Здрасьте, дедушка! – весело сказала худенькая пожилая женщина в косынке на закрученных волосах. – Хоть к вечеру, да освободились!..

Уже в который раз Хенталов подумал, что бабушка и внучка совершенно не похожи – ни внешне, ни по характеру. Живчик Надежда Сергеевна выглядела младше медлительной Киры.

– Освободился наконец-то! – тяжело вздохнул Хенталов. Он готовил шёпотом. – Сейчас заберу Ирену. Вы не привезёте коляску сюда? Чтобы мне в комнату не идти…

– Конечно, привезу, если не хотите заходить.

В квартире пахло пирогами с капустой. Конечно, сейчас самое «капустное» время. Из комнаты выехала пёстрая итальянская коляска, где посапывала внучка. Персиковое личико, пухлые ручки с «перевязками», кружевной капор и соска-бутылка в руках – всё это было так дорого Энверу! Он вспомнил, что памперсы отдал соседке утром, и их должно хватить на несколько дней. У себя он тоже оставил две упаковки. Не стирать же ему ещё и пелёнки!

А вот питание Надежда Сергеевна покупала сама – на деньги Хенталова. Тот справедливо рассудил, что соседка, вырастившая сына и дочь, справится с этим делом лучше. А он – мужчина, по горло занятый, и совершенно не опытный. Должно быть, Надежда Сергеевна считала так же. Да и лишний приработок ей совсем не мешал.

– Осторожнее, а то разбудите. И расплачется на всю ночь. Вы там, у себя, свет не зажигайте. Я искупала её в шесть часов, так что капор не снимайте. Поставьте в тёплую комнату, чтобы не надуло. И на лоджию дверь закройте.

– Я уже закрыл. – Он вспомнил, что сегодня эту дверь и не открывал. Спасибо, Надежда Сергеевна, до завтра. Привет всем вашим, кого не видел.

– В десять, если проснётся, вы ей «Бону» или «Нутрилон» разведите, – успела сказать соседка, высунув голову на лестничную площадку.

– Обязательно. – Энвер стал открывать свои замки.

Войдя в квартиру, он услышал, что в кабинете, в спальне и в прихожей звонят телефоны. По всей лестнице расплывался вкусный запах поджаренной на подсолнечном масле капустной начинки для пирогов.

* * *

Перекличка телефонных аппаратов разбудила Ирену, и её лучистые карие глаза блеснули под рюшкой капора. Энвер между делом отметил, что звонок не междугородний, а московский, какие будоражили его квартиру по десять-двадцать раз на дню. Но сейчас он пришёлся очень уж некстати. С трудом успокоенная Ирена разбужена, и теперь придётся час-полтора ходить с ней по комнате, свистеть разные песенки, включать музыку.

Хенталов слыл меломаном и имел самую крутую, по меркам сезона, аппаратуру «High End» – «высший предел». Такая техника была давнишней мечтой Энвера. Он желал слушать компакт-диски с повышенным качеством записи. Они отличались золотистой окраской на тыльной стороне и отражающей подложкой из сверхчистого золота. Пластинки Хенталов признавал только выпущенные специально для аудиофилов – на тяжёлом стеклопластике.

Наверное, Ирена унаследовала вкусы и способности деда. И потому успокаиваясь, слушая сверхчистые аккорды. К тому же она вертела ручонками, будто танцуя, и пела что-то на своём непонятном языке.

За гардинами светились огни Москвы, которые так любил Хенталов. Они будоражили душу, заставляли сердце сладко сжиматься. Но сейчас они словно превратились в лазерные иголки, пронзили зрачки. Хенталов поспешно закатил коляску в спальню, прикрыл дверь. Тут они раньше спали с Зидой. И ему часто снилось, что жена рядом. Но, протянув руку, Энвер ощущал пустоту, и потом весь день мучился от тоски.

Он взглянул на определитель и вздрогнул. Звонили из той самой больницы, где лежала Сабина. Ежу понятно, что поздним вечером врачи просто так не беспокоят.

– Слушаю вас!

Энвер старался говорить, как всегда, – вежливо и в то же время равнодушно.

– Энвер Хасанович?

Этот женский голос он уже слышал. И он вспомнил заведующую нефрологическим отделением, которая вместе с лечащим врачом Сабины позавчера объясняли, что случилось с дочерью.

– Да, Елена Семёновна. – Память на имена у него была великолепная.

– Узнали? – Заведующая отделением вздохнула. – Я должна сообщить вам, что Шамогайлова Сабина Энверовна скончалась…

Хенталову казалось, что происходит во сне. Он был настолько потрясён, что даже не смог ни испугаться, ни расстроиться.

– От чего? – сухо спросил он, сам удивляясь своему спокойствию.

– Почечная, печёночная и сердечная недостаточность. Сабина так и не пришла в себя. Она ничего не понимала и не мучилась. Если это только сможет вас утешить…

– Когда? – перебил Хенталов.

Он слышал свой голос как будто из дальнего угла. Кожу на лицо стянуло сильным морозом. Надо шире открыть глаза. Так не бывает. Дочери всего двадцать два года. Сердце, печень и почки отказали сразу? Исключено. Сабина в последнее время ничем не болела. Осложнения после родов сказались бы раньше. И так молниеносно – всего четыре дня…

– Она умерла сегодня, в восемь часов вечера. Лечащий врач, Александр Михайлович Мер, очень просил меня позвонить вам. Вы ведь знакомы?

– Да, мы вместе заходили к вам в кабинет.

Хенталов вспомнил улыбающуюся внучку в коляске. Сейчас она звонко лопотала за стенкой.

– У него, кроме служебной неприятности, проблемы в семье. Пришлось срочно уехать домой, а то доктор известил бы вас лично. Поверьте, Александр Михайлович не боится ответственности. Он обязательно встретится с вами завтра в десять часов утра, в своём кабинете. Тогда же вы получите все необходимые документы. У Сабины дочка осталась? Кажется, грудная?

– Через неделю ей годик.

Хенталов и не мог пробудить в себе чувство скорби. Напротив, страшная весть лишь обострила его восприятие окружающего мира, ускорила мыслительные процессы.

Сабина умерла от тех болезней, которые нельзя не заметить – особенно когда они присутствуют в организме вместе. Напротив, дочка отличалась редкой выносливостью. Все её родственники умирали естественной смертью, в почтенном возрасте. Исключение составляли погибшие на войне. Опять-таки, в молодости ни у кого сердце, печень и почки не болели.

Дочь – мастер спорта по художественной гимнастике. Она – энергичная и весёлая девушка. Вернее, молодая женщина. Беременность у неё прошла без осложнений. После родов она восстановилась очень быстро. Хотела вернуться в университет, чтобы не терять год. Но погибли Зида с Рудольфом, и пришлось сидеть с малышкой.

Без предвестников таких смертей не бывает. Болезнь не приходит ниоткуда. Вот гибель – другое дело. Она не ощущается даже за секунду. Хенталов прекрасно помнил лицо дочери – в малейших деталях. У неё были ясные, прозрачные глаза здорового человека. Ярко-синие глаза, голубые белки – и нигде ни малейшей желтизны или мути. Кроме того, не было и намёка на отёки.

– Выражаю вам свои самые искренние соболезнования, – сказала Елена Семёновна.

Но Хенталов её не слушал. Это всё второстепенно. Она такие соболезнования выражает в сто десятый, а, может, и в тысячу первый раз. Надо говорить о другом. О главном. Кажется, яркая мысль промелькнула несколькими секундами раньше. Столь тяжкой болезни у Сабины быть не могло. Двадцать два года ей исполнилось восемь дней назад. Человек, износивший под завязку три самых важных органа, не может так долго и искромётно танцевать.

Тут обязательны: одышка, плохой аппетит, слабость, увядшая кожа, бледные или лиловые губы. Он бы заметил обязательно. Сабина не могла всё это скрывать. Она отмечала день рождения, но не пила всякую дрянь – только хороший алкоголь. Отец постарался приучить её к качественным, благородным блюдам и напиткам.

Да и что она могла выпить, чтобы выключились эти органы, причём необратимо? Если только яд… Яд?! Очень похоже. Приходилось вести такие дела. Яды бывают, конечно, разные. Могут поразить любой орган по отдельности, и все вместе. Но откуда взялся яд?…

– Энвер Хасанович, чуть не забыла! – спохватилась Елена Семёновна. – Вы бывали когда-нибудь в Казахстане?

– Я там родился, в Акмоле.

– А Сабина?

– Она родилась в Москве. А в чём дело?

Хенталову эти вопросы показались странными. Значит, и Елена Семёновна заподозрила неладное.

– Я думаю насчёт Семипалатинского полигона… Вы не могли там каким-нибудь образом подвергнуться облучению?

– До сих пор ничего не замечал. Извините, почему вы об этом спрашиваете?

– Я знаю от Саши Мера, что вы – адвокат. К атомным подводным лодкам отношения не имели. На АЭС не работали, на полигоне – тоже. А в армии вы служили?

– Я в армии был радистом. И местность была неподходящая для таких дел – Закавказский военный округ. Елена Семёновна, ещё раз спрашиваю – почему вас это интересует?

Хенталов уже знал, что будет делать дальше. Нужно немедленно, пусть даже ночью, встретиться с врачом. Узнать его адрес и ехать – благо, машина стоит под окнами.

– Да как вам сказать-то? Я хотела сейчас касаться этого, но, похоже, придётся. Когда мы виделись с вами, я надеялась, что Сабину можно спасти. Теперь же недоговорки неуместны. Саша Мер лучше всех расскажет вам о течении её болезни. Он хоть молодой доктор, но толковый, знающий, сообразительный. Приехал из Петербурга, где работал в Военно-медицинской академии. Я к чему всё это… Поверьте, раз так случилось, значит, положение было действительно безнадёжным. Никакие усилия врачей не могли переломить ситуацию. При поступлении вашей дочери был сделан клинический анализ крови. Выяснилось, что у неё очень высокий лейкоцитоз. Причём он увеличивался с каждым днём. Норма – около шести тысяч в одном кубическом миллиметре крови. У неё же было сто пятьдесят-двести тысяч. Сабина лежала на нашем отделении. К нам её доставили с подозрением на острую уремию. Уремия у неё была действительно. И, кроме того, оказалась ещё масса заболеваний. Мы подключили лучших специалистов Москвы. Лично я сбилась с ног. Саша даже ездил к некоторым светилам на дом, привозил их в клинику. Никто ничего не мог понять. Рвота, апатия, кома, огромный лейкоцитоз, пониженный протромбин, повышение остаточного уровня азота. Это – симптомы и острой атрофии печени, и острой почечной недостаточности. Но такие цифры говорят уже о самостоятельном заболевании. Это – лейкоз.

– Елена Семёновна, будьте добры дать мне телефон лечащего врача и его адрес? Он – хороший специалист, у него прекрасные рекомендации. Очень вас прошу! Хотя бы номер телефона. Адрес он назовёт сам, если захочет.

– Я же сказала, Энвер Хасанович, что вы встретитесь завтра! Я сделаю всё, чтобы вашему свиданию никто не помешал, сколько бы оно ни продолжалось.

Елена Семёновна говорила уже раздражённо. Запас дежурной скорби быстро иссяк. Видимо, ей очень хотелось домой. Что ж, не её дочь скончалась. Хенталов всё понимал. Но хотел, чтобы поняли и его.

– Если ваши соболезнования не были чистой формальностью, вы дадите мне номер телефона доктора Мера. Сейчас же!

Тон Хенталова стал казённым, как в зале суда.

– Это приказ, извините? – оторопела заведующая отделением.

– Нет. Я надеюсь на ваш гуманизм, понимание и поддержку. Большего мне не нужно. Слишком много болезней для одного молодого человека, и я не хочу терять время. Впрочем, дело ваше.

– Надеюсь, нас вы ни в чём не подозреваете?

Елена Семёновна, видимо, уже жалела, что согласилась позвонить Хенталову.

– Нет. Зачем вам это? Да я и сам не представляю, в чём и кого тут надо подозревать.

– Хорошо, записывайте.

Елену Семёновну смутила настойчивость адвоката. Ей и самой, похоже, эта история казалась тёмной. Не хватало ещё, чтобы отец Сабины принял отказ дать телефон Мера за попытку скрыть преступление!

Номер пришлось запоминать – бумаги и карандаша под рукой не было. Судя по всему, доктор живёт в Орехово-Борисово. Далековато, конечно, но выбирать не приходится.

Сабина умерла. В это никак не поверить. К этому не привыкнуть. Наверное, надо увидеть её мертвой, чтобы смириться с утратой. А если её убили? Кто? За что? У дочери не было криминальных друзей и даже знакомых. Особенно теперь, когда практически всё свободное время Сабины было занято малышкой.

Да, они жили врозь, и теперь Хенталов пожалел об этом. Могли появиться новые знакомые, конечно. Они и появились – молодые мамаши с колясками на Варшавке. Такая смерть по определению не может быть естественной. Оказывается, не три, а четыре болезни. И какие! К первым трём добился лейкоз. Нигде Сабина не облучалась. И сколько же это надо хватить рентген, чтобы разложиться заживо в течение короткого времени?

Впрочем, яд может быть всякий. Но как дочь его приняла? Подсыпали в пищу, в питьё? Она не того пошиба, чтобы тащить в дом кого попало или выпивать не улице. Впрочем, если кто-то замыслил преступление, то своего он добьётся. Значит, вопрос не в том, как именно была убита Сабина. Главное – выяснить, чей интерес привёл к трагедии.

Кто это мог быть? Да кто угодно! Сабина с малюткой прописаны на Варшавке вдвоём. Жильё находится в частной собственности. Надо убрать мать. От ребёнка избавиться ещё легче. И – вперёд! Но, в таком случае, дочка должна была оформить у нотариуса завещание или дарственную. Не может быть, чтобы она скрыла от отца такие свои действия. Может быть, её шантажировали? Запугивали? Поставили перед трагическим выбором: жизнь Ирены или сделка?

Теперь не спросишь, и надо разбираться самому. И всё же странная гибель. Хотя, если вспомнить бизнесмена Кивелиди*, всё может быть. Могут натереть ядом телефонную трубку, дверную ручку – да что угодно. Но квартирные бандиты вряд ли станут действовать так изощрённо. Они убивают достаточно примитивно, особенно если жертва – молодая, совершенно беззащитная женщина. Сабина ходила без охраны, и справиться с ней было просто.

Но она погибла от яда – сомнений уже почти нет. Способ оригинальный и дорогостоящий. Кроме того, слишком бросающийся в глаза. Будь Сабина богатой и влиятельной личностью, вроде того же Белугина, за которую могли всерьёз отомстить, тогда понятно. Но дочка не могла так высоко котироваться, поскольку не имела никаких покровителей, кроме собственного отца. Она ни у кого не отнимала большие деньги.

Только одно – квартира. Но этот яд не гармонирует с таким банальным преступлением. Может, она стала нежелательным свидетелем чего-либо? Если случайным, на улице, то выбрали бы не яд. А других вариантов и быть не могло. Сабина всю жизнь сторонилась сомнительных личностей. И после того, как стала матерью, прекратила всяческие тусовки в своём доме.

Исключение сделала только для дня рождения. Её отравили тогда, во время застолья? Кто и зачем? Гости – проверенные люди. В основном, друзья – начиная ещё со школы. Заинтересованные лица подкупили кого-то из них? Вероятно. Деньги сейчас могут всё. Но к чему теперь раскапывать эту вонючую яму? Сабины-то нет. И не будет больше, пусть даже завтра всех найдут…

Нет, она не умерла! Хенталов усмехнулся, сжимая кулаки и глядя на себя в трельяж, стоящий в спальне. Косметику Зиды он отсюда убрал, чтобы не ранить душу. Оставил только свою – бальзам для волос и для бритья, лосьоны, абразивосодержащие препараты по уходу за кожей. Две кисточки из барсучьего волоса, станок «Wilkinson» с двойным лезвием – для идеально чистого бритья. Быть в форме Хенталову приходилось постоянно. Того требовали не только многочисленные судебные процессы, но и статус члена престижного клуба «Скорпио».

В Кунцево Энвер теперь ездил часто. Он проводил там закрытые встречи с некоторыми клиентами, а также с членами их семей и друзьями. Он пользовался сауной, массажным кабинетом, тренажёрным залом. И там же в прошлом году справил свой 45-летний юбилей.

При содействии одного из приятелей, чьи интересы Хенталов представлял уже на нескольких процессах, он стал полноправным членом «Скорпио». Имел право приезжать туда в любое время суток, без предварительного звонка и без записи. Собирался расслабиться там и в ближайшие выходные. Теперь, понятно, ничего не получится.

Энвер вспоминал, как годовалая дочка ползала по односпальной койке Дома студентов МГУ, где тогда жила их семья. На дворе зима конца семьдесят четвёртого года. Он – на пятом курсе юридического факультета, готовится к сессии. Зида – студентка третьего курса филологического факультета. Тогда, помнится, жена примчалась с двумя билетами. В Москву приехал с гастролями Ленинградский балет на льду. Зиде не удалось самой достать билеты, но её подружка свалилась с гриппом. Разумеется, друг заболевшей тоже никуда не пошёл. Таким образом, билеты оказались у Хенталовых.

Сабину оставили у такой же молодой пары, в соседней комнате. Кажется, их фамилия была Сенотовы. Внезапно пропал единственный галстук Энвера. Потом выяснилось, что Сабина привязала его к шее своего плюшевого мишки. Пришлось занимать стильную широкую «лопату» у Витьки Ледантю, который жил в другом конце коридора. А белую рубашку – у его соседа, Вальки Ермолаева. Зида, помнится, была в короткой модной шубке и юбке выше колена. Очень гордилась, что может надеть сапоги-чулки. Она готова была стоически мёрзнуть ради того, чтобы выглядеть модной и уверенной в себе.

Теперь Энвер взял коляску с Ireной и повёз её к двери.

– Ма-ма! – отчётливо выговорила девочка, села в коляске и потянулась куда-то в сторону.

– Мама в больнице, – дрогнувшим голосом сказал Энвер. – А мы сейчас пойдём к бабе Наде. Она тебя на ночь приютит. Мне ехать нужно, би-би. По делам, понимаешь?

Энвер не сдержался и нежно поцеловал внучку в бархатную щёку.

– Ыба! – указывая на аквариум, сказала Ирена.

– Нет, рыбки тут останутся. Их никак нельзя взять с собой.

Одиннадцатый час. Значит, соседи ещё не легли. Они всегда засиживаются перед телевизором за полночь. Лишь бы не шёл сейчас очередной сериал – итальянский или бразильский. Какой там сейчас хит? «Тропиканка», что ли? Впрочем, за деньги соседка пожертвует сериалом. Семья у неё большая. Дочь одна растит Киру, муж – пенсионер Сын тоже много не приносит. Короче, получается не милость, а трудовой договор.

Увидев, что внучка чуть не плачет, Хенталов поспешил увезти её от рыбок. Ребёнок мог часами смотреть, как они плавают в аквариуме.

– Рыбки бай-бай хотят, не надо их будить. И ты сейчас у бабы Нади бай-бай ляжешь. А утром я вернусь, и мы с тобой пойдём гулять. В парк поедем на «бибике», с колясочкой. И ты там листиков насобираешь…

Энвер тихим речитативом уговаривал внучку, пока вёз коляску через лестничную площадку. Ирена, радуясь суматохе, кричала «ко-ко-ко» и размахивала руками, как крыльями. В это время из кабины лифта вышел сын Надежды Сергеевны.

– Добрый вечер, Энвер Хасанович! – вежливо поздоровался он. – Вы от нас или к нам?

Парень то ли где-то подрабатывал вечерами, то ли навещал любовницу. Он очень часто переступал порог своей квартиры лишь после полуночи. Сегодня, как видно, он освободился раньше. Худенький и белобрысый, он выглядел много моложе своих двадцати девяти лет.

– Я уже от вас ушёл, и Ирену забрал. Но меня срочно вызвали к подследственному. Так что, Валерий, помоги-ка мне с дверью. А матери скажи, что я никак не могу отложить поездку. За лишние хлопоты плачу вдвойне.

– Ночной допрос устроили, что ли? – догадался Валерий, вынимая ключи.

– Верно.

Хенталов обрадовался, что за него придумали причину внезапной отлучки. Про Сабину он решил пока никому не рассказывать, чтобы избавить себя от причитаний.

– Мне нужно ещё душ принять, так что времени в обрез. Думаю, что Надежда Сергеевна меня поймёт.

– Конечно, поймёт! – подтвердил Валерий, громыхая замками.

Толкнув дверь, он вкатил коляску в узкую переднюю. Энвер, не дожидаясь появления его удивлённой матери, вернулся к себе. Он включил люстру в кабинете и несколько секунд смотрел на фотопортрет Сабины – в костюме «сафари» и в шляпе. Из другой секции на него смотрела Зида – в серо-коричневом полосатом блузоне, с ниткой гранатов на шее. Они с дочерью были очень похожи. И, наверное, уже встретились в ином мире.

Хенталов поднял трубку того аппарата, что стоял на письменном столе. Он был стилизован под старину. Взял бумажку с номером, Хенталов набрал цифр и закурил. Трубку он плечом прижал к уху.

После двух сигналов трубку сняли.

– Да-да! – испуганно отозвалась молодая, судя по голосу, женщина.

– Добрый вечер!

Хенталов выпустил изо рта дым. В его речи возникла вальяжная пауза.

– Могу я поговорить с Александром Михайловичем? Сразу прошу прощения за поздний звонок.

– Знаете, он только что с собакой погулять вышел, – с сожалением сказала женщина. – Буквально пять минут назад.

– Вы – его супруга? – уточнил Энвер.

– Да. А кто его спрашивает? – встревожилась жена врача.

– Отец одной из его пациенток. Мы с ним знакомы, так что не тревожьтесь. А когда он вернётся, не знаете?

– Может быть, ему что-то нужно передать? – предложила женщина.

– Нет, я перезвоню завтра. Спокойной ночи.

– До свидания, – растерянно попрощалась жена Мера.

Похоже, она была совсем ещё юная.

Хенталов положил трубку и тут же снял её вновь. Услуги такого рода оказывались ему в любое время дня и ночи. Об этом тоже позаботились влиятельные люди. Энвер лишь должен был назвать слово-пароль, чтобы его именем не воспользовался кто-то другой. Его попросили подождать пять минут. Потом в трубке раздался мужской голос, назвавший адрес Александра Мера.

Хенталов не ошибся. Врач действительно проживал близ Каширского шоссе, в микрорайоне Сабурово. Рядом располагалась железнодорожная станция «Москворечье». Сколько доктор может гулять с собакой? Полчаса, час? Во всех случаях, бриться некогда. Да это и ни к чему – для ночного свидания с мужчиной.

Хенталов поспешно сбросил «тройку», сорочку, галстук; унёс всё это в спальню. Потом он распахнул дверцы шкафа, выбирая более подходящую для поездки одежду. Через пять минут дверь запирал совсем другой человек. Блестящий адвокат надел потёртые джинсы, водолазку цвета «мокрый асфальт», замшевую сизую куртку. Он стал похож на обыкновенного автолюбителя, какие десятками бродили близ любой колонии московских гаражей.

На счастье, лифт так и стоял на его этаже. Нажав кнопку с цифрой «1». Энвер прислонился спиной к стенке кабины. Он пытался представить дочку мёртвой, но не мог – настолько это было невероятно. Отец не мог смириться с мыслью о том, что молодое сильное сердце

вдруг отказало. Что всегда нормальная кровь посерела, а печень и почки вдруг вырубились на ровном месте.

Будь Сабина слабенькой и больной, Энвер стал бы готовиться к возможной трагедии заранее. Сейчас же его душа содрогалась, обретая плоть. «Нет, не может быть! В больнице перепутали. Она жива. Завтра позвонят и скажут, что это – ошибка. Да нет, прямо сейчас доктор скажет, что в восемь вечера скончалась вовсе не Сабина Шамогайлова…» Она пела, танцевала, смеялась. Говорила тосты. Снимала праздник любительской камерой ещё восемь дней назад.

И отравить её никто не мог – это бред. Не тот Сабина человек. Во всех случаях, надо скорее увидеться с врачом. Плевать, что подумает его жена. Вроде бы, детей у них нет. Мадам Мер может и не понять чувства отца, у которого погиб ребёнок. Но встретиться с Александром нужно именно сегодня. Почему-то Энверу казалось, что завтра будет уже поздно.

Он выскочил из подъезда на улицу. Шумела сухая, увядшая листва деревьев. Под светом фонаря серебрилась пыльная трава. Над Москвой переливалось звёздами осеннее холодное небо. Столица ещё не спала, но уже дремала.

Хенталов достал из портмоне ключи, открыл дверцу своей рубиновой «девятки», включил зажигание. Взглянул на часы – половина двенадцатого. К моменту прибытия Хенталова на Каширку Мер уже вернётся. Путь предстоял, мягко говоря, нее короткий – практически через всю Москву. Хенталов грустно улыбнулся, взглянув на свой перстень. Когда ему передали обручальное кольцо погибшей жены, он добавил своё. И заказал перстень – с полумесяцем и звездой. И с тех пор носил его, не снимая.

Ночью ездить приходилось довольно часто. Энвер отрегулировал фары так, чтобы свет их сходился на асфальте одним пятном. Обычно, в таких поездках адвокат включал автомагнитолу, чтобы взбодриться. На этот случай он имел записи тяжёлого рока. Правда, сейчас, по известной причине, он музыку не врубил.

По пути в Сабурово, как всегда, встретилось много дураков, которые любили гонять ночью по столице, не соблюдая никаких правил. Кто-то слепил всех дальним светом, кто-то шёл практически втёмную. Тем не менее, Энвер прибыл по адресу за пять минут до намеченного времени.

Где-то рядом стучала колёсами электричка. Громадные дома подмигивали ещё светящимися окнами. Каширское шоссе петляло впереди. Его холмы напоминали морские волны. Прижав «девятку» к обочине, Хенталов вышел и глотнул морозный воздух – пьянящий, как вино. Небо зеленовато светилось на горизонте. А фонари почему-то казались малиновыми.

Хенталов вздрогнул, потому что рядом заскулила собака. Потом прерывисто, с трудом, завыла. Энвер захлопнул дверцу и пошёл на звук, мягко ступая эластичными туфлями. Он достал из кармана куртки фонарик и направил на сильно поредевшие кусты.

Ирландский терьер лежал на боку и взвизгивал, зализывая окровавленные передние лапы. При виде человека с фонарём он залаял, пытаясь привстать, но не смог. Из собачьих глаз побежали бессильные горькие слёзы.

– Кто ж тебя так, бедняга?

Хенталов потрепал собаку между ушей, наблюдая за её поведением. Огненно-рыжий при дневном свете «ирландец» сейчас выглядел так, словно его вытащили из кучи грязного песка. Собака была ранена, но куда именно и насколько серьёзно, Энвер не понимал. Терьер скулил, глядя через шоссе, на дома. Вероятно, пёс жил именно там. Как жаль, что он не умеет говорить! И на ошейнике нет никаких сведений о хозяевах. Он даже не может бежать, показывая дорогу. Но не оставлять же его здесь – надо искать выход.

– Дурашка, и где же твой хозяин?

Надо бы отвезти рыжую бестию в круглосуточную ветеринарную лечебницу. Но без ведома хозяев он это сделать не может. Похоже, ранение не огнестрельное. Хенталов, удерживая несчастного пса, при свете фонаря осмотрел его лапы. И решил, что кости раздроблены

нунчаками. Здесь главное – время. До утра ждать нельзя. Редкий хозяин будет держать пса-инвалида. Большинство в такой ситуации предпочтут этого «ирландца» усыпить. Но строить предположения нельзя до тех пор, пока не встретишься с хозяином.

Внезапно собака забеспокоилась ещё сильнее. Энвер сразу даже не понял, почему именно. Потом вдруг услышал женский голос, показавшийся знакомым.

– Саша! Джерри! Да где же вы? Я с ума схожу! Ау-у! Сашка, домой пора. Куда ты подевался? Джерри, ко мне!

И женщина неумело посвистела.

Пёс радостно залаял, завертел во все стороны купированным хвостом. И даже, казалось, забыл о своих страданиях. Хенталов резко поднялся, облившись холодным потом. Он всё понял. Из плотной мглы, разбавленной лишь светом станционных фонарей, появилась девушка в расклёшенных джинсах и совершенно не идущих к ним туфлях-лодочках. На ней была коротка, до пояса, кожаная куртка. По широкому, хомутом, вороту свитера рассыпались пряди кудрявых длинных волос.

Да, Хенталов час назад говорил именно с ней. Писклявый, почти девчоночий голосок. Она картавит и на «р», и на «л». Встреча оказалась неожиданной – особенно для хозяйки Джерри. Она устремилась на лай любимца и обнаружила его в обществе совершенно незнакомого типа.

– Ой! – Девушка закрыла рот цыплячьей ручкой с обручальным кольцом. – Вы Джерри нашли, да?

– Видите, что его ранили? Ему срочно нужна помощь. Мы с вами сегодня по телефону беседовали. Помните?

Воздух, как всегда бывало осенью, остыл моментально. Около губ Хенталова и хозяйки Джерри вился парок.

– Да, но… Муж ушёл тогда гулять с Джерри и пропал. Его до сих пор нет. Ему ещё звонки были, в том числе из больницы. Я побежала искать. Сашка, бывает, с другими собачниками языком цепляется. Вы их встретили, да? А что случилось, не знаете?

Вот это Хенталову уже не понравилось. Впрочем, в панику он не впадал, ни при каких обстоятельствах. Даже на смерть единственной дочери он прореагировал с поистине спартанским хладнокровием, чего и сам не ожидал. Это давало ему право ожидать того же и от других. Но, в данном случае, следовало сделать скидку на пол и возраст.

– Как вас зовут? – улыбнулся Хенталов, мягко отводя женщину к обочине.

Та склонилась над Джерри. Принялась гладить его и целовать в морду. Энвер тоже отступил, потому что по Каширскому шоссе с рёвом проносились КамАЗы и «Татры» дальнобойщиков.

Немного подумав, женщина ответила в нос:

– Маша.

– Маша Мер? – уточнил Хенталов.

Его челюсти свело, а под правым коленом непроизвольно задёргалось сухожилие. Визг терьера не давал сосредоточиться.

– Да. Вы действительно звонили… Я хотела выскочить вслед за Сашей, но потом решила, что он скоро придёт. И вот, пожалуйста! – Маша всхлипнула, как школьница, получившая двойку.

– Кто ранил Джерри? За что? Он на людей никогда не бросался. Весёлый такой, доброжелательный…

– Натуральный характер «ирландца».

Хенталов вспомнил своего мраморного дога Гамлета, который умер в прошлом году. Как оказалось, с тоски по Зиде. Когда хозяйка была жива, повиновался ей безоговорочно, даже с

видимым удовольствием. Энвер поддерживал с ним ровные мужские отношения, не окрашенные романтикой.

Он сейчас особенно ярко вспомнил, как нашёл дога уже застывшим. Под передними лапами Гамлета были зажаты восточные тапочки Зиды. Когда в ветлечебнице произвели вскрытие, никаких смертельных заболеваний не нашли.

Как ужасно, когда ты один! Крохотная внучка не в счёт. С ней не поделишься проблемами, и не утешишься в её объятиях.

– Я без понятия, кто его ранил, Маша. Нашёл уже под кустом, когда затормозил. Он скулит, ему очень больно. Нужно действовать. Если хотите, я помогу вам, донесу Джерри до машины. Вы не знаете, где здесь круглосуточная клиника?

– Знаю, где наша районная лечебница. Мы там Джерри прививки делали. А ночью не знаю, куда нужно ехать.

Маша достала из кармана носовой платок и вытерла глаза. Пронёсся по Каширке КамАЗ, испортил воздух несгоревшим паршивым бензином. Ветер, как назло, понёс облачко на Энвера с Машей. Бедный Джерри несколько раз чихнул.

– А вы Сашу-то не видели? Знаете ведь его. Такой высокий, с чёрной бородой. На нём серый свитер и вельветовый пиджак… Мои родители на Золотых Песках, в Болгарии. Я одна, и очень боюсь.

– Знаю я его, Маша, знаю. Но сейчас не встречал.

Энвер огляделся по сторонам, прикидывая, где может лежать тело. Конечно, при жене, да ещё такой впечатлительной, заниматься поисками неэтично. И особенно долго время тянуть нельзя.

– Знаете, я чувствовала… Понимала, что Сашка не в себе. Моя бабушка живёт у Таганки, на Воронцовской улице. Сломала недавно шейку бедра, представляете? Практически летом! Поскользнулась во дворе на арбузной корке. Как в кино, только мне не до смеха. Я сегодня была у неё. Это ведь коммуналка, где полноценный уход невозможен. Закинула удочку, чтобы сюда бабушку взять. Сашка, конечно, не в восторге…

Маша плотнее закуталась в курточку, цокнула каблуками. Проплыл мимо припозднившийся «Икарус» 765-го маршрута. Изнутри он был освещён голубыми плафонами. Похоже, жена Мера тоже не верила в беду. Вообразить себе не могла, что с её молодым перспективным мужем случилось плохое.

Хенталов сам несколько часов назад представлял, как заберёт Сабину из больницы и отправит в заграничный тур. Без этого в их семье уже давно не обходился ни один процесс реабилитации. Предварительно остановился на Испании, на курортах Коста-Брава. Туда вполне можно отправиться вместе с Иреной.

Вот и Маша Мер пытается говорить спокойно, даже с юмором, будто ничего не случилось. Но вид окровавленного Джерри мешает ей верить в чудо. Собака валяется под кустом, хозяина нигде нет. На зов он не откликается, хотя Маша уже несколько раз принималась кричать в темноту.

– Значит, у вас из-за бабушки конфликт вышел? – рассеянно спросил Хенталов.

Под ногами задрожал асфальт. Навстречу одна другой прошли две электрички. Маша сняла с себя куртку и укрыла Джерри. Тот благодарно лизнул хозяйке руку. Хенталов присел на корточки. В этой позе он мог находиться сколь угодно долго. Насчёт судьбы «ирландца» он был спокоен. Маша своего любимца не усыпит ни при каких обстоятельствах.

– Ну, не конфликт, конечно… Мы ещё не договорили до конца, – замялась Маша.

– Ладно, не суть. Я хотел побеседовать с вашим мужем о своей дочери, которая была его пациенткой.

– Извините, как ваше имя? – вскинула испуганные глаза Маша. – Вы представлялись по телефону, но я забыла.

– Энвер Хасанович. Имя, не характерное для здешних мест. Так что запомнить его трудновато.

– А, может, Саша уже вернулся? – с безумной надеждой спросила Маша. – И мы просто разминулись?

– Вернулся домой, бросив Джерри на шоссе? – усомнился Хенталов.

– Действительно, вряд ли. Но где же он?!

– Вы говорите, что муж был не в настроении?

Энвера смущал требовательный взгляд молодой женщины. Как будто он знает, где сейчас Александр Мер!

– Мы полгода живём, и я никогда таким его не видела, – честно призналась Маша. – Даже не поел, прежде чем на выгул идти. Меня категорически не пустил. Сказал, что ему нужно проветриться, прийти в себя. Я же не знала, что он пропадёт…

– Сколько вам лет, Машенька? – ласково спросил Хенталов.

– Девятнадцать, – всхлипнула она. – Мне очень страшно, поймите.

– Понимаю. – Энвер взял Машины маленькие холодные руки в свои. – И я не уеду отсюда, пока не разберусь, что случилось с вашим мужем. В любом случае помогу.

– Спасибо. Знаете, после того, как Саша ушёл, я стала мыть посуду. Вдруг слышу, что Джерри на улице залаял. Причём так злобно, как никогда раньше. И сразу завизжал. А потом затих. Но всякое ведь могло случиться. Встретил другого кобеля, что-то не поделили. Или чувак пьяный прошёл – так тоже бывает. Джерри вспыльчивый, но добрый. Быстро забывает обиды. Но сначала может и зубами цапнуть. Вы бы видели, какой Сашка на улицу пошёл! Хмурый, зажатый. Что-то буркнул, прежде чем дверь захлопнуть. Я даже не разобрала. Действительно, у него сегодня, то есть уже вчера, молодая больная скончалась. Очень красивая девушка. Волосы, говорит, роскошные – почти по пояса. Густые и блестящие. И глаза синие, как сапфиры. Саша говорил, что у неё развился острый лейкоз. Одно хорошо – облысеть не успела…

Хенталов постарался повернуть голову плавно, не резко. Помолчал немного, чтобы предательская хрипота не спугнула Машу и не прервала её откровения. Лучше, если она не будет знать о том, что говорит с отцом этой девушки. Интуитивно Энвер почувствовал, что родство надо скрыть. Маша начнёт его жалеть, сочувствовать, а главного не скажет.

– Да, это очень прискорбно, – согласился Энвер.

А сам почувствовал, как немеет спина, и плохо шевелятся пальцы.

– Сашка и сам не понял, от чего она скончалась…

Маша поглаживала собаку по голове, ёжилась от ночного холода. Правда, на ней был свитер из «верблюжки».

– Жила она на Варшавке. В больницу попала прямо из муниципальной поликлиники. Обратилась к участковому врачу. Тошнота, рвота, голова кружится, слабость. А потом высокая температура поднялась…

– Значит, это оказался острый лейкоз?

Хенталов, незаметно для Маши, рвал сухую траву. Земля противно скрипела на его ладонях.

– Её сначала как бы с уремией привезли. Все признаки были налицо. Сашка буквально с ума сходил, литературу читал. В постель его было не загнать. Питался кое-как. Я уже ревновать начала – четыре дня только про Сабину и слышала. Упрекнула его даже. А Сашка мне: «Там ребёнок годовалый остаётся! Соображать надо. И отец погиб…»

– Прекрасный врач, и чуткий человек…

Хенталов отвернулся от Маши. Прикусил нижнюю губу, чтобы она не дёргалась.

– Это не его вина. Люди слабы и смертны.

– Конечно, не его! – с готовностью подтвердила Маша. – Случай необычный, и очень тяжёлый. Сегодня Сашка сказал, что надеялся только на чудо, которого не произошло. У этой девушки потом вдруг желтуха случилась, кровь совершенно испортилась. Температура ползёт и ползёт. Дальше уже сердце стало отказывать. Сашка уже подумал, не экзотическая ли болезнь? Стал сыпь искать, какие-то другие признаки. И, знаете, нашёл небольшой ожог на груди. Очень странный, между прочим.

Хенталов несколько раз глубоко, но неслышно вздохнул. Его интерес должен казаться обычным, обывательским.

– Ожог?…

– Да. Сашка подумал на раздражение кожи. Потом решил иначе. Пятнышко величиной с прежний пятак. Буду, говорит, думать. Пусть человека не вернуть, но я разберусь в этой истории. Утром должен был с её отцом говорить. Очень волновался…

Маша вдруг внимательно взглянула в лицо Хенталову. И вскочила, как-то сразу и всё поняв. Энвер тоже поспешно поднялся.

– Вы курите? – негромко спросил он.

– Нет. А что? – растерялась Маша.

– Тогда я отойду, покурю.

Энвер перешёл шоссе к автобусной остановке. Потом взглянул вниз, на платформу «Москворечье». Надо побыть одному и всё обдумать. Врач исчез неспроста. Он заподозрил неладное, нашёл на теле Сабины странный ожог. Да, пусть у неё пять смертельных болезней, но ожог-то откуда? Бедная моя девочка! Одна надежда на то, что ты была без памяти.

Мер, въедливый и добросовестный, стал опасен для убийц, а потому пропал. Теперь Маша, вероятно, не найдёт его даже для того, чтобы похоронить. Версию, что врач мог быть сообщником убийц, а потом сбежал, Хенталов отмёл сразу.

Ожог… Откуда он? До сих пор Энвер считал, что Сабина приняла яд внутрь, или надышалась им. В таком случае, мог быть ожог слизистой оболочки внутренних органов. Но кожа на груди?… Почему именно там? Об этом надо говорить с Сашей Мером. Как видно, их встреча оказалась нежелательна для убийц Сабины. Сама дочка вряд ли успела сообразить, в чём дело. И в больнице она почти сразу же потеряла сознание. Насчёт годовалого ребёнка и погибшего зятя ему при первой встрече сказал сам Хенталов.

Энвер вдруг наступил на поводок, змеёй свернувшийся у обочины. Нагнулся и поднял его, зажав в зубах зажжённую сигарету. Маша стояла в отдалении, но не отводила от него взгляда. Она уверяла себя в том, что ошиблась. Этот человек не может быть отцом умершей девушки. Слишком уж спокойно он говорит о случившемся. У Сашки много пациентов-почечников. А это – совсем посторонний мужчина…

Хенталов почти сразу же увидел несколько капель крови на асфальте. Они расплющились в кляксы. Слегка тронул пальцем одну и убедился – да, это кровь. Только бы не увидела Маша и дала спокойно подумать. Поводок она, конечно, узнает. А кровь… Человеческую от собачьей на вид не отличить.

Адвокат должен давать людям надежду – почти как врач. Если труп не найти сейчас, Маша Мер будет жить надеждой. В любом случае, с ней останется пшенично-рыжий, усатый и бородатый друг Джерри.

Внизу, под мостом, опять вспыхнул лобовой прожектор электровоза. Коротко рявкнул гудок. Энвер взглянул вниз и оторопел. Мощный электрический свет сделал из ночи день. И Хенталов увидел внизу брошенную одежду – вельветовый пиджак, джинсы. Странно, но и ботинки тоже. Энвер проследил за тем, как состав миновал лежащее чуть в стороне тело.

Электровоз тянул за собой мазутные цистерны. Они проплывали внизу, под ногами. От резкого, тошнотворного запаха накатила дурнота. И Хенталов не видел даже, а чувствовал, что

Мер лежит там – на шпалах и гравии, неподалёку от платформы. Наверное, его сбросили с моста, предварительно ударив по голове чем-то тяжёлым. Искалечили и собаку, храбро вступившуюся за хозяина.

Хенталов очень боялся, что сейчас подойдёт Маша. И в то же время понимал, что ей всё равно скоро придётся узнать… Вот и ещё одна утрата. На свете появилась новая молодая вдова. Может, потом родится сирота. Такой удар в девятнадцать лет! Теперь надо будет платить не только по счетам Сабины. Как ни круги, а погубители у дочери и её врача одни и те же.

Всё-таки молодец Саша Мер – успел сказать жене про ожог! Возможно, его и уничтожили для того, чтобы исключить эту утечку. Может быть, врач знал и больше, но не сказал жене. Интуиция адвоката не подвела. Он правильно сделал, что не стал дожидаться девяти часов утра. Да, всё равно не успел застать Мера в живых. Но его голос – удаляющийся, тихий – был услышан Хенталовым благодаря Машеньке. Девочка-вдова сама ещё не знает, как помогла отцу Сабины.

– Джерри очень любит гулять, – сказала Маша за плечом Энвера.

– Всё собаки это дело любят, – ровным голосом ответил тот.

Маша подкралась на цыпочках, оставив раненого пса под курткой. Сейчас она смотрела вниз, на тело мужа. Отсюда его было хорошо видно. На лице молодой женщины появилась страшная, сардоническая улыбка.

Хенталов протянул Маше поводок. Она взяла, покачала в руке, потом прижала к сердцу. По Каширке в сторону области неслись грузовики, слепили их фарами. Некоторые даже сигналили, чтобы пешеходы отошли подальше.

– Вот этот поводок Джерри всегда в зубах нёс к двери. А вчера вечером упирался и скулил. Не говорите мне ничего, Энвер Хасанович…

Поняв, что осталась вдовой, Маша вдруг тоже испугалась сочувствия и жалости.

– Я поняла, что Сабина – ваша дочка. Вы – настоящий мужчина. Так прячете эмоции… Я постараюсь подражать вам, но только не получится. Но вы подарили мне идеал, к которому надо стремиться. Сабину убили? Пожалуйста, скажите мне правду!

– Теперь я окончательно понял, что убили. Иначе, зачем было уничтожать ещё и врача?

Хенталов уже хотел идти к машине, чтобы позвонить в милицию, но Маша вцепилась в его рукав.

– Не оставляйте меня одну! Мне так страшно…

– Ни за что не оставлю.

Ему вдруг показалось, что рядом стоит Сабина. Точно так же она не отпускала отца от себя ни на минуту, когда погибли Зида и Рудольф.

– Я буду с тобой столько, сколько потребуется, – хоть до утра. Только надо подумать и о твоём «ирландце». Он ведь может остаться хромым.

– Джерри, конечно, бросился на защиту – я знаю. И его ударили.

Маша острыми пальчиками стиснула дрожащий подбородок.

– Он – очень отважный и преданный. Но где ему с бандитами сладить? Саша бультерьера хотел завести, а я боялась. Он же очень свирепый.

– Машенька, от профессионалов не защитит и бультерьер. Кстати, особой смелостью эта порода не отличается.

– Энвер Хасанович, Сашу сбросили с моста? – спросила Маша. – Живого?

– Вот этого я не знаю, – честно признался Хенталов. – Экспертиза установит точно.

– Вы говорите, что работали профи. Значит, муж не может быть живой?…

– Это исключено, к сожалению. Ты видишь, как здесь высоко? Александр Михайлович исполнил свой долг до конца. До самой смерти я его не забуду. Надейся на меня.

– Энвер Хасанович, научите меня так держаться! Я чувствую, что, борясь с собой, теряю сознание, – призналась Маша.

Её знобило и корёжило. Хенталов обнял вдову и повёл через шоссе к машине.

– Поплачь – ты ведь женщина. Никто тебя не осудит.

– Пока не могу, – призналась Маша. – Наверное, это шок. А потом утону в слезах.

– Дома у вас никого нет? – спросил Хенталов.

– Нет. А что?

– Возвращайся в квартиру и вызывай милицию. – Хенталов и сам не заметил, как стал называть Машу на «ты», как Сабину. – А я отвезу Джерри к своему ветеринару. Потом вернусь сюда.

Энвер оглянулся по сторонам. Окрестные дома крепко спали. И у него стали закрываться глаза. Захотелось зевнуть, но пришлось сдержаться.

– Хорошо, я вызову милицию, – механическим голосом сказала Маша. – Но я знаю, что без Саши не выдержу. Пока мне кажется, что это сон.

– Всегда так кажется, – заверил Хенталов. – И мне тоже. При дневном свете я, наверное, ужаснусь.

– Бывает, что горе лечат словом, – начала Маша. – Но для этого оно должно быть мудрым и искренним. Скажите мне такое слово! Я вижу – мы можете. Вы умеете молча любить и ненавидеть. Я учусь на психологическом факультете МГУ. Мне кажется, что вы – типичный человек действия, интроверт*.

– Скорее всего, так оно и есть.

Хенталов повёл Машу к домам, которые будто бы качались под ветром. По бескрайним просторам вокруг шоссе рассыпались огни – фонари, прожектора фары. Он знал, что им с Машей предстоит увидеть своих любимых людей в гробах, услышать казённые соболезнования, пережить похороны и поминки, а потом – беспредельную тоску.

– Мне нельзя подражать, Машенька, – признался Хенталов и незаметно взглянул на часы.

Половина второго ночи. Домой ехать бесполезно. Лучше отдохнуть на Варшавке, в квартире Сабины. И уже оттуда направиться в больницу. Теперь уже никогда не будет той встречи, о которой говорила Елена Семёновна. И придётся ей самой отдуваться за покойного Александра Мера.

– А почему? – удивилась юная вдова.

– Я никогда не говорил своей жене о любви, понимаешь?

– А почему? – удивлённо повторила Маша.

– Потому что действительно любил её.

– А те, кто говорит, не любят? – Маша то и дело вытирала слёзы платочком.

– Знаешь, как считают в моём народе? Это такое поверье. И я хочу, чтобы ты знала о нём. Тебе, надеюсь, ещё долго жить. Всегда лучше пользоваться мудростью, накопленной ранее. Седой Кавказ богат духовно, а это важнее денег. Речь пойдёт о любви, но то же самое можно сказать и о ненависти. Любое святое и сильное чувство нельзя опошлять постоянными разговорами о нём. «Любовь – это цветок, расцветающий в глубине души, но каждое слово любви отрывает у него один лепесток, поэтому нужно остерегаться говорить о ней много. Ведь, бесконечно обрывая лепестки, можно оставить от цветка один стебелёк».

– Потрясающе! – пробормотала Маша.

– Тот, кто клянётся вечно помнить, забудет на второй день. Говорящий о неминуемой мести словами и ограничится. Моя тайна на самом деле – не тайна. Просто я сужу о человеке по делам, а не словам. А теперь иди, быстро вызывай милицию. А мы с Джерри поедем к врачу.

* * *

Сабина любила друзей, любила гостей. Восточная щедрая душа, безвременно увядшая роза. Упавшая на лету певчая птичка…

Её посуда вся здесь – перемытая после вечеринки двенадцатого сентября. Всевозможные тарелочки, салатницы, овальные и круглые блюда, чашки, вазы. Есть не хотелось, но Хенталов считал, что позавтракать обязательно нужно. Иначе иссякнут силы, и придёт опасное равнодушие.

При свете солнечного сентябрьского утра он ел творог, найденный в холодильнике у дочери. Прозрачный воздух дрожал за окном кухни. Энвер старался убедить себя в том, что дочь никогда больше не переступит этого порога. Пытался и не мог. Мысль соскакивала с извилин, словно была намыленная. Но при этом внимание полностью сосредоточилось на ожоге.

Толком не представляя себе, как этот самый ожог выгладит, Хенталов всё время думал о нём. Он отвёз несчастного Джерри к ветеринару, потом вернул его Маше, и отправился на Варшавку. По счастью, члены оперативно-следственной группы, приехавшей к трупу Мера, как раз работали на станции.

Ранним утром Хенталов вошёл в квартиру Сабины, скинув у порога грязную обувь. Потом сел в мягкое кресло, закрыл глаза и попытался осмыслить создавшееся положение.

Кое-что прояснилось относительно гибели Александра Мера. Судмедэксперт прямо на месте определил, что его ударили по затылку тяжелым тупым предметом. Скорее всего, на пути он был скинут живым, но находился без сознания. При падении несчастный получил такие травмы, в частности, черепа, что выжить всё равно не мог.

Собаке повезло больше. Шины ей наложили вовремя. И, при хорошем уходе, всё ещё может обойтись. Жаль, что бегать около сабуровских высоток Джерри будет уже без хозяина. Что касается причины убийства врача, то главной версией стало нежелание допустить его встречу с Хенталовым. Ведь никому и в голову не пришло, что отец Сабины не станет дожидаться десяти часов утра, и рванёт ночью через весь огромный город.

И уж, тем более, трудно было представить себе его встречу с Марией Мер. Именно от неё Энвер узнал о странных обстоятельствах кончины своей дочери, и том самом ожоге. Из-за этого гибель врача оказалась бессмысленной, и потому ещё более страшной.

Поспав часа четыре, Хенталов решил осмотреть квартиру дочери – на свежую голову. Не хотелось даже мысленно называть это обыском. Но, вместо скорбных раздумий, сознание заполонили мысли о квартирных делах. Адвокат думал о том, как теперь обустраивать свою и внучкину жизнь.

Когда-то всё кончится, убийцу он найдёт. Трагедия, притупившись и ослабев, канет в прошлое, спрячется в дальних уголках сознания. И надо будет жить дальше. Причём не на Варшавке и не в Медведково, а где-то в третьем месте. Обе приватизированные квартиры можно продать и купить новое жилье. Поскольку мужа и матери у Сабины не было, за ней наследуют отец и дочь. Кстати, надо заняться оформлением опекунства над Иреной.

Вот там и можно будет прописать родственницу, которая согласится ухаживать за внучкой. На новом месте меньше четырёх комнат точно не будет. Если повезёт, то получится и пять. Приняв чёткое решение, Энвер встал, даже вскочил. Теперь нужно всё здесь изучить, чтобы сделать определённые выводы.

Он обошёл жилище Сабины, которое она обставила в авангардном стиле. Детская кроватка с пологом смотрелось здесь странно. И сам Хенталов всегда чувствовал себя, будто в декорациях для научно-фантастического фильма. Скорее всего, при выборе мебели сказалось влияние зятя. Тому надоела восточная роскошь, и захотелось простоты.

Странно, но при взгляде на флакончики и тюбики с косметикой Сабины сердце не сжалось. Казалось, что дочка просто уехала, и скоро вернётся. Но на самом деле ей вскоре предстояло накраситься в последний раз, чтобы достойно выглядеть на публике. Только делать это она будет не сама и не здесь. Жаль, что Зиду не довелось увидеть на прощание. Говорили, что её лицо при теракте сильно пострадало, и лучше гроб не открывать.

И всё же, дочка, кому ты помешала? Конечно, такие карьеристы, как я. всегда спохватываются поздно, когда уже ничего не исправишь. Я всегда считал воспитание детей уделом женщины, а сам преумножал благосостояние семьи. Но для чего теперь тебе деньги, Сабина? Конечно, я куплю тебе лучший гроб. Ты будешь спать, как в царской постели. Но тебе же не то нужно было, девочка моя. Фактически у тебя не было отца. Даже по выходным, на пикниках я думал только о работе. И на твои бесхитростные вопросы отвечал односложно, рассеянно.

Знать бы тогда, что совсем недолго остаётся мне слушать милый, звонкий голосок, я не отпустил бы твою ручонку ни на минуту. Но теперь сожму её на прощание – окостеневшую и холодную, понимая, что бесповоротно опоздал. Счастливый поезд мне уже не догнать. Но одно я тебе обещаю твёрдо – я обязательно найду этих ублюдков. И они за всё ответят.

Сабина, я считал, что ты уже взрослая, и тяготишься моей опекой. Думал, что досаждаю тебе, названивая раз в неделю. А получилось, что я безнадёжно тебя забросил. Если бы ты, как в сказке, смогла вернуться, я излил бы на тебя всю накопившуюся в душе нежность. Отмолил бы грехи – до последнего. И ты была бы довольна. Надо было нам съезжаться раньше. Сразу после того, как это случилось в Алжире…

Вспомнив, что нужно ещё принять душ, Хенталов открыл шкаф-купе, где хранилось бельё покойного зятя. Из своей квартиры адвокат, естественно, ничего не взял. Выбрав белый махровый халат с капюшоном, он отправился в ванную, сверкающую кафелем «под мрамор» и отличным розовым фаянсом. Там он встал под бьющие сверху струи душа, продолжая думать о своём.

Так бывало и раньше – когда они с Зидой ночевали у молодых. Потом Энвер навещал свою овдовевшую дочь. Но сейчас в квартире стояла мёртвая тишина. В полном смысле слова мёртвая. Слышался только шум воды. Но, главное – там не было родных и близких Энвера. Они ушли навсегда.

Может быть, отправить Ирену в Азербайджан? Это легче, чем выписывать сюда сватью. Там у всех дети и внуки, семью не бросишь. А так они будут вместе. Ладно, с этим потом разберёмся. А пока пойдём по горячему следу. Надо тряхнуть стариной. Ведь после окончания университета он работал милицейским следователем в окраинном, неблагополучном районе столицы. Тот человек, который должен был курировать молодого специалиста, внезапно умер от инсульта. Он буквально сгорел на своём посту. И Хенталову, которому было чуть за двадцать, пришлось постигать все премудрости самому.

С детства сирота, Хенталов мечтал о семье, которая у него когда-нибудь появится. Пусть она будет небольшая, но дружная, интеллигентная и зажиточная. И скреплять её должна не только общая жилплощадь, но и потребность членов каждый день видеть друг друга, делиться горем и радостью.

Энвер не хотел, чтобы у дочери, а потом и у зятя появлялись нежелательные друзья и опасные тайны. Так неужели это всё у Сабины появилось? За что дочь поплатилась жизнью? Как она не сообразила, не смогла вовремя одуматься и выйти из игры? Теперь Сабина не ответит на эти вопросы. Она лежит в морге, её вскрывают в прозекторской. Потемневшие её губы навсегда сомкнулись.

Сейчас Хенталов вышел из ванной посвежевшим и энергичным. Спать ему пришлось на угловом диване, завернувшись в плед. Он не мог устроиться на кровати сразу двоих покойников, которых помнил весёлыми и беззаботными. Он подумал, что скоро чета Шамогайловых навечно соединится в земле Головинского кладбища – под памятником с полумесяцем и звездой. Там лежит и Зида. А когда к ним присоединится сам Энвер, не знает никто, кроме Всевышнего.

Зять не жаловал спорт. Отговаривался даже от лёгкой утренней гимнастики. Он постоянно ссылался не нехватку времени, а вот поесть любил. И потому в свои тридцать два года

был уже полным, часто потел. Кроме того, он начал сильно лысеть, хотя к этой проблеме гимнастика отношения не имела.

А его жена Сабина, выйдя из роддома, в срочном порядке накупила тренажёров. В частности, «Степпер», заменяющий длительную ходьбу по лестнице, и имитатор гребли с подвижным сидением. Молодая мать панически боялась, что её развезёт. Она не садилась к телевизору или «видаку» без приспособлений для тренировок. Кроме того, часто носила пояс на липучках. Он обладал «эффектом сауны» и поддерживал фигуру.

Мужу Сабина тоже купила такой пояс. Но, как видно, Рудольфу уже ничто не могло помочь. А Хенталов, которого дочь называла «статуэткой», в поясе не нуждался. Сейчас, с помощью бритвенных принадлежностей Рудольфа, он избавился от надоевшей синеватой щетины. Чтобы нормально выглядеть, адвокат должен бриться по крайней мере три раза в день. В комнату он вернулся, благоухая восточной мужской парфюмерией, оставшейся от Рудольфа.

По счастью, в квартире остался его синий костюм с «искрой» – однобортный пиджак на трёх пуговицах и брюки. Ту одежду, в которой ночью пришлось лазать в кустах и в грязи, нести раненую собаку и вставать на колени, Хенталов не мог надеть в приличное место, не постирав и не вычистив. Но сейчас было совершенно некогда этим заниматься.

Скрепя сердце, Хенталов позаимствовал широкую шёлковую сорочку Рудольфа и его же чёрный галстук в белую крапинку. Туфли он надел вчерашние, хорошенько их вымыв и вычистив. А потом сел завтракать, непонятно почему ожидая телефонного звонка. Должно быть, натура требовала суеты, запарки, разговоров. Вчера хотелось тишины, а сегодня она уже надоела. Хенталов пил кофе с найденным в холодильнике лимоном и любовался солнечным утром. Окно кухни выходило на восток.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.